

К у з н е ц

Тюильри, 10 августа 1792 г.

Перевод с французского П. АНТОКОЛЬСКОГО

I

Он мощно оперся на молот. Он для всех
 Был страшен. Как труба, пронесся ярый смех
 Гиганта пьяного и над Парижем замер.
 Он смерил толстяка свирепыми глазами,
 Кузнец — Людовика Шестнадцатого, в час,
 Когда, по золоту отребьями влачась,
 Народная толпа шумела.

Перед нею
 Людовик выпятил большой живот, бледнея,
 С поличным пойманный и чующий петлю.
 Но нечего сказать собаке-королю!
 Да, ибо эта рвань, кузнец широкоплечий,
 И не выдумывал своей простецкой речи,
 Но слово било в лоб любого короля.

— Ты вспоминаешь, сир, мы пели тру-ля-ля.
 Хлестали мы быков на всех господских нивах
 Под вечный «отче наш» каноников ленивых,
 На четки вяжущих монеты, сколько дашь.
 Бывало, в хрипый рог сеньор затрубит наш,
 Мчась на лихом коне. А мы, смиренно горбясь,
 Кто с палкой, кто с бичом, не поддаваясь скорби,
 Тупые, как волы, мы шли, и шли, и шли...
 И обработав так кусок чужой земли,
 Отдавши в черные распаханые глыбы
 Свой пот и кровь свою, мы есть и пить могли бы.
 Но жгли вы по ночам лачуги у дорог,
 И наши дети шли начинкой в ваш пирог.

— О, я не жалуясь! Я речью пустяковой
 Тебе не надоем. Но выслушай толково.
 Ведь весело смотреть в июльский зной, когда
 Бредут на сеновал пахучих фур стада
 Огромные. Вдыхать таинственное лоно
 Примятой ливнями травы слегка паленой!
 А там поля, поля... И это верный знак,
 Что созревает хлеб, что колосится злак.
 А кто сильнее, тот у наковальни встанет
 И, молотом звеня, лихую песнь затянет.
 Он все же человек, который жив-здоров
 И кое-что урвал от божеских даров!
 Но тянет лямку он все ту, а не другую...

— Я знаю все теперь. И думать не могу я, —
 Зачем же руки есть и молот у меня? —
 Чтоб, шпагой под плащом сиятельным звеня,
 Любой приказывал — возделай землю, парень?
 И если будет мир опять войной ошпарен,
 Чтобы сынишка мой пошел, куда ведут?
 Я человек, а ты король? И скажешь тут:

— Я так хочу! — Пойми, что может быть нелепей!
Ты думал, мне милы твои великолепья,
Лакеи пышные, павлины на пирах
И тысячи пройдох, одетых в пух и прах!
Стыд наших дочерей — в их аромате низком.
Запрут в Бастилию по кратким их запискам!
А мы-то клянчили: смиряйтесь, бедняки!
Мы золотили Лувр, копили медяки,
Чтоб ели досыта господчики и дамы,
Нам на головы сев роскошными задами!

— Нет! С мерзкой стариной произведен расчет!
Народ — не стая шлюх. Не прихоть нас влечет
Скрыть и развеять прах Бастилии в мгновенье.
Там каждый камень был кровавым откровеньем
И нам нашептывал, крошась в глухой стене,
Свой отвратительный рассказ о старине.
Довольно бестия-Бастилия торчала!
Слышал ты, гражданин, как прошлое рычало
И выло в рушенье ее бойниц тогда?
Была во всех сердцах одна лишь страсть тверда.
Мы крепко сыновей к своей груди прижали.
Мы, словно лошади хрипящие, бежали.
И сердце прыгало из ребер горячо.
Мы шли в июльский зной, сомкнув к плечу плечо,
В Париж! Мы вырвались из собственных отребий,
Став наконец людьми! И, чуя грозный жребий,
Как мы бледнели, сир, надеждой опьянев!
Но, очутившись там, мы позабыли гнев.
Вся буря наших пик, ножей, сигнальных горнов
Как бы сошла на-нет при виде башен черных,
Почуяв мощь свою и кротости ища.
И будто с той поры сошла с ума, торча
На этих улицах, ремесленников стая!
Уйдут одни, — и вновь бушует, вырастая,
У окон богачей угрюмая орда.
Я тоже среди них, — любуйтесь, господа!
Так я вошел в Париж, поднявши молот страшный,
Чтоб сразу вымести отсюда сор вчерашний.
Посмей лишь, усмехнись, — я размозжу тебя!

— Но ты не трусь, король! Ты можешь, теребя
Своих чернильных крыс, отбиться от прошений,
Послав их, словно мяч, к любой другой мишени
(Пусть шепчут жулики; что, взяли, дураки!).
Ты можешь смастерить декреты, что сладки
Иль пахнут розовой слабительной настойкой,
Смягчить все трудности и баловаться бойко
И даже нос зажать, когда проходим мы
(Для наших выборных мы стали злей чумы!).
Не бойся ничего, — одних штыков... Отлично!
Чорт бы их взял во всей их мишуре столичной!
Довольно, хватит с нас приплюснутых мозгов
И барабанных брюх! Довольно пирогов
Ты пек нам, буржуа, когда мы стервенели,
Кресты и скипетры ломая на панели!

II

Он за руку схватил Капета и сорвал
Оконный занавес. А там народный вал

Гремел, могучими раскатами бушуя.
Он показал толпу, до ужаса большую,
И вой голодных сук, и вой соленых волн,
И весь широкий двор, что был, как рынок, полн
Божбой, и звоном пик, и барабанным треском.
Лохмотья, колпаки фригийские в их резком
Изменчивом строю — все увидал в окно
Людовик и потел, бледнел, как полотно,
И заболел почти.

— Смотри на сволочь нашу!
Как на стены плюет, как воет, сбившись в кашу!
Им не на что поест. Все это нищий сброд.
Вот я кузнец. А там жена моя орет.
Хотела в Тюильри добиться хлеба, дура!
Но пекаря на нас посматривали хмуро.
Есть дети у меня. Я сволочь. Вот еще
Старухи в чепчиках, что плачут горячо,
Теряя дочерей, прощаясь с сыновьями.
Все это сволочь! Вот проведенный годы в яме
Бастилии. Другой был каторжником. Но
Они честнее нас... На воле суждено
Бродить им, будто псам. Клеймо еще не стерто.
Позор не кончился. Так для какого чорта
Им жить, как проклятым, и среди той шпаны
Реветь тебе в лицо они осуждены!
Все это сволочь! Там есть девушки. Не счесть их!
Ведь вы же мастера в девических бесчестьях!
Вам, знать придворная, сходила с рук игра!
Плевали в душу им, как на землю, вчера.
Красотки ваши там. И это сволочь тоже!

— Да! все несчастные, согбенные, чья кожа
На солнце сожжена, — они идут, идут
И надрываются и продолжают труд.
Прочь шляпы, буржуа, и поклонитесь людям!
Сир, мы Рабочие. Рабочие! Мы будем
Господствовать, когда наступит новый век,
И с утра до ночи кующий Человек,
Великий следопыт причин и следствий, встанет.
Он вещи укротит, и повода подтянет,
И оседлает Мир, как своего коня.
О, слава кузнецов, могучий сноп огня!
Все неизвестное страшит. Не надо страха!
Поднявши молоты, мы вырвем жизнь из праха,
Просеем шлак и пыль! Вставайте, братья, в путь!
Она приснится нам, придет когда-нибудь —
Простая эта жизнь, в горячих каплях пота,
Без злобной ругани, — улыбка и забота
Суровой женщины, любимой навсегда.
И, отдавая дни для гордого труда,
Встав, как на трубный звук, на повеленье долга,
Мы будем счастливы. Да, счастливы! И долго
Никто, никто, никто нас не согнет в дугу.
Ружье прислонено недаром к очагу!
— Но пахнет в воздухе нешуточною дракой!
Что я наплел? Я рвань, несомая клоакой.
Остались сыщики и спекулянты в ней!
Свобода вырвана. Но с Террором прочней

Ее грядущий рост. Я говорил недавно
О кротких временах и о работе славной.
Взгляни-ка на небо! — Нам мало всех границ!
Нас разрывает жар, но мы простерты ниц.
Смотри же на небо! — А я пойду обратно
В великую толпу, что выкатила знатно
Твои mortarы, сир, по мостовой влачась.
Мы кровью вымзем ее в последний час.
Когда раздастся гул последней нашей мести
И лапы королей протянутся все вместе,
Чтоб заварить в полках парадов кутерьму, —
Вы нас пошлете вновь — к собачьему дерьму!..

III

Он поднял на плечи свой молот.

Ликовала

Пред кузнецом толпа, насытась доотвала,
И весь широкий двор, все гребни старых крыш,
Весь задыхавшийся и воющий Париж,
Всю эту чернь потряс один озноб и рокот.
Тогда кузнец взмахнул своей рукой широкой, —
Так, что вспотел король пузатый — и вот так
Швырнул ему в лицо багровый свой колпак.

М. Б У К Э

Последняя Бастилия

(Бедный мальчик поет в день празднования взятия Бастилии)

Перевод с французского АРГО

«Отец, на-днях я в школе слушал,
Не знаю, правда или нет,
Что наш народ назад сто лет
Темницу страшную разрушил,
И в память радостного дня
Все нынче пьют, поют, танцуют.
Бастилия не существует, —
Отец, ты слышишь ли меня?»

Да, все равны в глазах закона!
Но почему и я, и ты
Обходим вокруг за полверсты
Собаку нашего патрона?
Ну, нет, при равенстве таком,
Пусть люди пьют и пусть танцуют,
Бастилия все ж существует.
Отец, что скажешь ты о том?»

И если точно люди — братья,
Зачем имеет прибыль тот,
Кто ничего не создает?
Зачем нужда? Зачем проклятья?»

Нет, если это братством звать,
Пусть люди пьют и пусть танцуют,
Бастилия все ж существует.
Отец, что можешь ты сказать?»

И если властвует свобода,
Зачем в муниципальный день
Не получил ты бюллетень?
Что ж, разве ты не сын народа?
Когда свобода такова,
Пусть люди пьют и пусть танцуют,
Бастилия все ж существует:
Она имеет все права».

«Мой милый сын, твои сомненья
От сердца чистого идут.
То правда — есть у нас редут,
Который ждет еще паденья!
И если наши бедняки
Поют сегодня и танцуют,
То все ж на свете существует
Бастилия тьмы и тоски».